
ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ: ШИЛЛОН-
СКІЙ УЗНИКЪ.

Лорда Байрона.

(Мы избрали часть поэмы, въ которой описывается смерть двухъ братьевъ и опчальное положеніе претъяго. Въ этой піесѣ обнаруживается все превосходство таланта поэта, которому, предъставя несчастнаго узника на свободѣ, заставляешь его рассказывать свою исторію, въ слѣдующихъ словахъ):

„Мои волосы побѣлѣли, но не отъ старости, не отъ внезапнаго ужаса. Я согбенъ, но не отъ труда, а отъ унижительнаго бездѣйствія. Мое плѣло было добычею бѣдствій неволи. Я испыталъ судьбу плѣхъ, которыми воспрещается

употребленіе воздуха свободнаго и сокровищъ земли.“

„За вѣру отца моего носилъ я цѣпи и желалъ смерти. За исповѣданіе, котораго мы не хотѣли оставить, мой отецъ умеръ въ пышкахъ, его дѣти жили въ мрачной темницѣ. Насъ было семеро: остался я одинъ! Пять братьевъ моихъ пріяли смерть во цвѣтѣ лѣтъ, гордясь, какъ и я, чѣмъ сдѣлались мѣстою ярости гонителей. Первый погибъ въ пламени; двое нашли гробъ на полѣ битвы; трое повержены были въ темницу: я былъ между ними и пережилъ ихъ.“

„Мрачные своды голическихъ темницъ Шиллона поддерживаются семью съровавыми толстыми столпами, едва освѣщаемыми слабымъ свѣтомъ. Пробишая стѣна пропускаетъ умирающій лучъ, который, прокрадываясь въ темницу, скользитъ по влажному помосту, подобно обманчивымъ метеорамъ, блуждающимъ на болотахъ. Въ каждомъ столпѣ желѣзное кольцо; на каждомъ кольцѣ видишь цѣпь. Желѣзо сіе сокрушительно. Оно напечаталось на плѣдъ моемъ знаки,

которыя не изглаждаются доколѣ, доколѣ я буду взирать на дневный свѣтъ, производящій во мнѣ болѣзненное чувство. Много лѣтъ глаза мои не зрѣли возхожденія солнца. Увы, я не могу изчислить сихъ лѣтъ! Я забылъ о нихъ тогда, какъ былъ осужденъ пережить моего послѣдняго брата. “

„Каждога изъ насъ приковали къ столпу. Насъ было трое, но каждый былъ одинъ. Мы не могли ни на шагъ приблизиться и едва видѣли другъ друга при семъ блѣдномъ, мершвенномъ свѣтѣ, который дѣлалъ насъ незнаваемыми. Такъ, соединенные и разлученные, съ руками связанными и сердцемъ спеняющимъ, лишенные даровъ, всѣмъ доставляемыхъ землею, мы находили еще сладость въ разговорахъ. Мы подкрѣпляли взаимно одинъ другаго; искали причины къ надеждѣ; рассказывали древнія повѣсти и пѣли геройскія пѣсни. Но все спало упоминательно и хладно. Наши голоса приняли осиплый звукъ отголосковъ въ горныхъ пещерахъ: они не имѣли уже прежней полношны и свободы. Если воображеніе меня не обманывало, то наши

голоса не имѣли уже своей звучности. “

„Мнѣ суждено было провести болѣе лѣтъ въ заключеніи, подкрѣпляя и одобряя моихъ братьевъ. Я употреблялъ для сего всѣ свои силы, и каждый изъ насъ помогать утѣщеніемъ другимъ. Младшій былъ любимецъ моего отца; глаза его блистали небеснымъ цвѣтомъ, и взоръ его былъ взоръ матери. Моя душа болѣла о его судьбѣ. Ахъ, какъ не спѣнашь объ участи подобнаго существа, осужденнаго на испытаніе столь жестокое! Онъ былъ прелестенъ, какъ нѣкогда ясность небесъ была прелестна для меня, или, какъ она является юнымъ орламъ, впервые разширяющимъ свои крылья. Онъ блисталъ чистотою, подобно тѣмъ днямъ странъ полярныхъ, облеченныхъ снѣгами и лучами—чадами солнца, подобно тѣмъ днямъ свѣта, которыхъ продолженіе измѣряется печеніемъ лѣтняго времени. Тихая веселость оживляла умъ его. Онъ плакалъ только надъ бѣдствіями другихъ, не будучи въ состояніи помочь имъ; но тогда слезы его текли подобно источникамъ горнымъ.“

„Другой брагъ мой имѣлъ душу споль же чиспую; но онъ, кажешся, рожденъ былъ для вѣчной боръбы съ челоувѣками. Его спанъ былъ спанъ аштеня; его храбрость презрѣла бы всеѣнную; онъ искалъ бы славы сражашся и умереть въ передовыхъ рядахъ. Но онъ поимился въ желѣзахъ: и шягость ихъ сокрушала его мужество. Я видѣлъ его, угасающаго въ молчаніи. Увы, и я поперялъ надежду, но еще силился ушѣшашъ, ободрять сіи несчастныя сущешства, печальныя оспашки рода, споль драгоцѣннаго! Онъ былъ Алпійскій звѣроловъ; привыкъ гоняшь сернь и животныхъ плодоядныхъ. Для такаго челоувѣа цѣль на ногахъ была величайшею казнію, шемница — бездною смерти.“

„Глубокія воды Лемана образують вкругъ стѣнъ замка подобіе шемницы, сугубо огражденной; лопъ, брошенный съ бѣлыхъ зубцовъ Шиллона въ волны озера, на глубинѣ тысячи футовъ достигаешъ dna сей пучины. Своды, заключавшіе насъ, образують гробницу живыхъ, ниже пошерноспи воды. День и ночь внимали

мы шуму волнь надъ нашими головами; мы слышали, какъ онѣ поражали скалу сугубыми ударами: и въ зимнія бури, когда вѣтры, счастливые всею свободою, дули съ исповствомъ, пѣна валовъ достигала до насъ. Самая скала препепала, потрясенная бурями: я не зналъ страха и улыбнулся бы смерти, возвратившей мнѣ свободу.“

„Я сказалъ, что старшій братъ мой ослабѣвалъ; сказалъ, что силы гордой души его разрушились. Онъ отвергалъ всякую пищу; но отвергалъ не потому, что бы привыкъ къ явствамъ отборнымъ. Обѣдъ звѣрововъ составлялъ нашъ столъ; но молоко Алпійской козы не касалось нашихъ устъ. Нашъ хлѣбъ подобился тому, который всѣ заключенные орошали слезами въ продолженіе тысящелѣтій: намъ ли было избирать пищу! Не въ томъ причина, сразившая его силы и душу! Съ его нравомъ онъ томился бы и въ чертогахъ, если бы наслажденіе свободнымъ воздухомъ на крупныхъ вершинахъ горъ было ему воспрещено. Ахъ, для чего медлю я сказать: онъ умеръ....“

Я видѣлъ, какъ склонилась глава его, видѣлъ — и не могъ поспѣшить поддержать ее! Я не могъ схватить опѣмѣвшей руки его; не могъ сжать ее, оледенѣвшей отъ смерти. Тщепно грызъ я мои узы, тщепно силился разбить ихъ!... Онъ умеръ... Съ него сняли цѣпи, и изрыли ему тѣсный ровъ въ хладной глинѣ самой шемницы нашей. Я умолялъ положить его тѣло въ землѣ, освѣщенной солнцемъ. Мысль, конечно, дѣпская; но она влечашлѣлась въ моему мозгъ; мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы сердце споль свободное могло покоиться съ миромъ, если черная шемница будетъ его могилою! Лучше бы не просить о семь: хладная улыбка шюренаго спража была мнѣ отвѣтомъ. Трупъ любимаго брата покрылся землею, не производящую зелени; праздна цѣпь, достойный памятникъ подобнаго убійства, осталась висящую надъ ровомъ.“

„Но любимецъ семейства, шопъ, о комъ отъ колыбели болѣе всего пеклись, образъ милаго лица моей мамы, любимый ближними, дитя, драгоценное опцу — мученику, существо, къ кошорому спре-

Часть XV. Кн. III. 20

мились, всѣ мои старанія, для котораго я хранилъ свою жизнь, надѣясь уполюить его бѣдствія и видѣть его нѣкогда свободнымъ, увы, онъ также былъ пораженъ въ сердце! Или опть природы, или опть утѣшеній, онъ долго сохранялъ свою бодрость; но попомъ началъ слабѣть и помишья; онъ изсыхалъ, какъ цвѣтъ на стеблѣ... О Творецъ, въ какомъ бы видѣ ни являлась смерть, но ужасна мысль, представляющая разлуку души человѣческой съ ея жилищемъ и восприемлющей пареніе. Я видѣлъ, какъ она излепала, испоргаясь съ пошоками крови. Я видѣлъ, какъ она, съ судорожными движеніями, воище собирая свои силы, боролась съ волною разъяренною. Я видѣлъ преслупника, бѣснующагося на одрѣ скорби, въ мученіяхъ смерти. Эпо внушало шолько ужасъ; но здѣсь была скорбь, не смѣшанная съ возмушительнымъ опшверженіемъ; здѣсь представлялось несчасшіе вѣрное и медленное; братель мой изпаявалъ безъ жалобъ; онъ былъ шихъ, спокоенъ, не проливалъ слезъ; онъ былъ нѣженъ, и человѣколюбивъ; онъ помышлялъ шолько о тѣхъ, которыхъ ос-

шавлялъ. Глаза его блестѣли огнемъ, споль
 яркимъ и чистымъ, что иногда освѣщали
 самую нашу пемницу; цвѣтъ ланишь его,
 казалось, презиралъ могилу; но опшѣнки
 красоты мало по малу исчезли, какъ по-
 слѣдніе цвѣшы скрывающейся радуги ...
 И ни слова, ни вздоха, ни малѣйшаго роп-
 шанія о безвременномъ концѣ своемъ! Я
 погрузился въ опчаянное молчаніе при
 наступленіи сего послѣдняго несчастія,
 величайшаго изъ всѣхъ! Онъ говорилъ мнѣ
 о временахъ, счастливейшихъ; онъ пока-
 зывалъ еще, для моего ободренія, слабую
 надежду . . . Увы, его дыханіе спѣсни-
 лось; вздохи, копорые онъ хотѣлъ упу-
 шить, учащались и слабѣли Склоняю
 слухъ ничего неслышу. Зову . . . я чув-
 ствовалъ, что сіе бесполезно; но я былъ
 внѣ себя, и ужась препятствовалъ мнѣ
 разсуждать; зову . . . мечтаю слышать
 звукъ. Успремляюсь, разрываю цѣпь . . .
 его уже нѣтъ! . . . Я остался одинъ! Я ды-
 шалъ нераздѣльно воздухомъ сей пемни-
 цы проклятія! Послѣдняя, единственная
 и драгоцѣнная связь, державшая меня на
 краю вѣчной бездны — прервалась! Я сжалъ

его руку, уже охладѣвшую — и холодное соприкосненіе пробѣжало по моимъ жиламъ. Я лишился и силы и движенія; но во мнѣ сохранилось чувство жизни: чувство испу- пленнаго опчаянія, когда существо нами любимое шепчетъ жизнь!...“

„Не понимаю еще и нынѣ, отъ чего не могъ я умереть: я не имѣлъ уже надежды на земли; но вѣра хранила меня — и она воспретила мнѣ покуситься на мою жизнь. Не знаю, что случилось тогда со мною. Я не чувствовалъ вліянія воздуха и свѣта; не ощущалъ дѣйствія мрака, потерявъ и понятія и мысли: я подобился камню моей пещицы, или обнаженной скалѣ, окруженной густымъ туманомъ. Все было невѣрно, тускло и печально. Не было ни дня, ни ночи, ни даже ужаснаго свѣта пещицы. Пустоша поглотила пространство. Тогда было бдѣніе безъ покоя. Исчезли звѣзды, земля, время, предѣлъ, переменна, добродѣтель и преступленія. Я дышалъ въ пещицѣ: между жизнью и смертію. Я находился посреди моря спящаго, мрачнаго; безъ движенія и безъ границы.“

„Лучь солнечный освѣтилъ меня. Раздалось пѣніе пшпцы. Упихло, продолжалось. Сладчайшіе звуки, никогда нельсшившіе слуху челоѡѡка! Изумленіе и признательность наполнили глаза мои слезами; я смогрѣлъ и невидѣлъ сего друга моей горести; но мало по малу чувствва мои пришли въ прежнее состояніе; спѣвны темницы двигались медленно во кругь меня; умирающій лучь пресмыкался въ темницѣ по прежнему; и въ ошверстніи спѣвны, пропускающемъ свѣтъ, я увидѣлъ сію очаровательную пшпцу, съ лазуревыми перьями, копорой пѣснь была сшоль выразительна! Она, казалось, все мнѣ говорила и не боялась присутствія челоѡѡка. Я никогда не видалъ, никогда не увижу существва, ей подобнаго. Она, казалось, искала шоварища въ несчастіи, и хотѣла любить меня тогда, какъ никто не любилъ меня! Ея голось возвратилъ мнѣ и чувствво и мысль. Освободилась ли она опъ не воли и прилепѣла усладить мое зашоченіе? Милая пшпчка! Мнѣ не доспало бы бодрости лишить тебя свободы!... Была ли она посланницею обичели не-

бесной? О Творецъ, проспи мнѣ мысль сію! Увы, когда голосъ ея испоргалъ у меня слезы и улыбку, я воображалъ, что душа моего брата облеклась въ сей образъ, для моего утѣшенія. Она воспорхнула... и я увидѣлъ, что она земная. Безъ него оставила ли бы она меня? Оставила ли бы меня, сугубо одинокаго! Одного, какъ шрувъ подъ гробовымъ покровомъ!...“

Съ Фран. Н. Ф.

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum miserisque succurrere disco.

1821 годъ.

ЧАСТЬ XV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

**Въ Типографіи Императорскаго Воспи-
шательнаго Дома.**

1821 года.

ОГЛАВЛЕНІЯ

ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

І. П Р О З А.

	Спр.
1. Донъ Карлосъ. Историческое произше- свіе - - - - -	3, 148.
2. Записки о Голландіи 1815 -	33, 179. 257.
3. Опытъ разбора Рускихъ синонимъ -	65.
4. Опытъ новыхъ разговоровъ на Ру- скомъ и Французскомъ языкахъ -	71.
5. Рѣчь - - - - -	128.
6. Отрывокъ изъ поэмы: Шиллонскій уз- никъ (Лорда Байрона) - -	299.
7. Маскарадъ. (Изъ II части <i>Hermité de Londres</i>) - - - - -	311.

ІІ. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Недовѣрчивость (Элегія) - -	87.
2. Водопадъ - - - - -	90.
3. Маріи на развалинахъ Кароагена -	62.
4. Авторская клятва - - - - -	98.
5. Выборъ жены - - - - -	227.
6. Элегія - - - - -	236.
7. Пѣснь Скандинавскаго война. Изъ Пар- ни: Иснелъ и Аслега, пѣснь II. -	240.